

RU

Преодоление поэтического концептуализма
(«Солнечное утро» Тимура Кибирова)

Жилене Е. С.

Аннотация. Статья посвящена анализу образно-мотивных и структурно-композиционных особенностей последнего по времени появления поэтического сборника Тимура Кибирова «Солнечное утро» (2020). Исследование предпринято с целью осмыслить не только формальные особенности стихов, входящих в книгу, но и содержательно-смысловой пласт поздних текстов Кибирова. Рассмотрены вопросы структурно-композиционных особенностей сборника, прослежены мотивные ряды лирических текстов. Автор работы выявляет основные идейно-образные доминанты поздних текстов Кибирова, контурирует бытийное пространство лирического персонажа (alter ego автора), прослеживает отражение личностных представлений героя о мире и о себе. В частности, автор работы рассматривает систему «вечных» и «проклятых» вопросов, дающих представление о бытийных метаниях лирического персонажа книги «Солнечное утро». Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые рассмотрены поэтологические особенности позднего сборника Кибирова, выявлены аксиологические ракурсы мировоззренческих представлений лирического героя, его раздумий о советском прошлом страны и самом себе. В результате доказано, что квалифицированные критиками как концептуалистские тексты Кибирова довольно далеки от стратегий и практики концептуальных экспериментов. Личная дружба с поэтами-концептуалистами не повлияла на личностную самобытность Кибирова, на своеобразие его поэзии, на узнаваемость его идиостиля.

EN

Overcoming poetic conceptualism (“Sunny Morning” by Timur Kibirov)

E. S. Zhilene

Abstract. The article is devoted to the analysis of images and motifs, as well as the structural-compositional features of Timur Kibirov’s latest poetry collection “Sunny Morning” (2020). The research aims to comprehend not only the formal features of the poems included in the book, but also the content and semantic layer of Kibirov’s later texts. The structural-compositional features of the collection are considered, the series of motifs are traced in the lyrical texts. The author of the article identifies the main ideological and image dominants of Kibirov’s later texts, outlines the existential space of the persona (the poet’s alter ego), traces the reflection of the hero’s personal ideas about the world and about himself. In particular, the researcher examines the system of “eternal” and “damned” questions that give an idea of the existential dilemmas of the persona in the book “Sunny Morning”. The study is novel in that it is the first to consider the poetical features of Kibirov’s late collection, to identify the axiological perspectives of the persona’s worldview, to reveal his reflections on the Soviet past of the country and himself. As a result, it is proved that Kibirov’s texts, typified by critics as conceptualist, are quite far from the strategies and practices of conceptual experiments. Personal friendship with conceptualist poets did not affect Kibirov’s personal identity, the originality of his poetry, or the recognizability of his individual style.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления поздних поэтических текстов Тимура Кибирова, не просто демонстрирующих эволюцию его творчества, но и отражающих смену культурной парадигмы отечественного поэтического процесса. Впервые рассматриваются проблемы идейно-смысловой и проблемно-тематической взаимосвязи сборника (книги) «Солнечное утро» (2020) с актуальными тенденциями современной литературы, прежде всего с практиками «московских концептуалистов», еще точнее – преодоления концептуалистских практик в поэзии Кибирова. Подобный ракурс актуализирует новые опыты в современной отечественной поэзии, потому цель исследования представляется нам принципиально значимой.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть структурно-композиционную систему книги Тимура Кибирова и выявить ее основные формообразующие константы; во-вторых, дифференцировать поиск лирическим героем собственного бытийного пространства, реализованного через комплекс «вечных» и «проклятых» вопросов русской литературы; в-третьих, наметить пути отступления Кибирова от концептуализма, этапы нарастания идейной и личностной позиции героя позднего сборника.

Для осуществления поставленных задач используются следующие методы исследования: прежде всего метод целостного анализа художественного текста, включающий в себя историко-генетический (позволяет проникнуть в творческую лабораторию Т. Кибирова) и сравнительно-исторический (способствует выявлению общего и особенного в творчестве и отдельных произведениях поэта) методы, а также психоаналитический метод, дающий возможность осмыслить поэзию Т. Кибирова как сублимированное символическое выражение изначальных творческих импульсов. Комплексный подход, реализованный в статье, помогает открыть новые грани художественного своеобразия его поэтической системы.

Материал исследования составил сборник Тимура Кибирова «Солнечное утро. Книга стихов. 2018-2020» (М.: ОГИ, 2020).

Теоретической базой работы послужили труды по истории русской литературы конца XX – начала XXI века и вопросам художественного своеобразия современной поэзии. Прежде всего дающие понимание специфики творческого метода, особенностей поэтики Т. Кибирова работы М. Л. Гаспарова (2008), М. В. Безродного (1996), А. Ш. Левина (1995), А. С. Немзера (2001), А. Панова (1994), М. Н. Айзенберга (1997), В. Н. Курицына (2001), О. В. Богдановой (2004; Богданова, Жилене, 2024), а также исследования Н. А. Богомолова (2004), М. Н. Липовецкого (2008), О. Ю. Осьмухиной, С. П. Гудковой (2019), Л. В. Зубовой (2000), В. И. Шубинского (1998), высвечивающие жанровую и стилевую специфику современного литературного процесса и осмысливающие поэзию постмодернизма.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его аналитические суждения, текстологические наблюдения, результаты и выводы могут быть использованы при дальнейшем научном изучении истории русской литературы XX века и поэтического творчества Тимура Кибирова, могут быть включены в общие и специальные курсы по истории русской литературы XX-XXI веков в вузовском и школьном преподавании.

Обсуждение и результаты

Место Тимура Кибирова в практике московского концептуализма

Расцвет популярности поэзии Тимура Кибирова (р. 1955) пришелся на конец 1980-х – начало 1990-х годов, когда поэт прочно примыкал к авангардному течению «московского романтического концептуализма» (термин Б. Гройса) и когда его насквозь центонную поэзию числили по рангу концептуалистской (шире – постмодернистской) (Панов, 1994; Левин, 1995; Айзенберг, 1997; Шубинский, 1998; Богданова, 2004; Липовецкий, 2008).

Между тем уже на самом раннем этапе осмысления творчества поэта о нем высказывались противоречивые критические суждения. Одни акцентировали аспекты формальных особенностей кибировской поэзии («почти центон» (Гаспаров, 2008, с. 43)), связывали экспериментальную поэзию с концептуальными практиками, другие настаивали на содержательной составляющей и писали о смысловой слагаемой, казалось бы, декларативно-безыдейной поэзии концептуалиста Кибирова («Кибиров оставляет без внимания феномен “советскости” и заглядывает глубже – в душу homo sapiens, а не homo soveticus» (Богданова, Жилене, 2024, с. 112)).

По прошествии времени стало ясно, что противоречия в критике носили искусственно-радикальный характер, ибо обе стороны актуализировали только одну из сторон поэзии Кибирова. Эволюция развития художника показала, что, даже отойдя от концептуализма (пережив его взлет), его поэзия сохраняет приверженность центону и интертекстуальную зависимость от классической русской литературы. То есть можно утверждать, что формальные и смысловые признаки кибировской поэзии опосредованы не столько художественной средой, в которой он оказался, но могут быть квалифицированы как идиостиль, как самобытная собственная манера современного поэта. И хотя формально принципы концептуальной поэтики, несомненно, могли оказать видимое влияние на раннюю поэзию Кибирова, но устойчивая приверженность центону может рассматриваться и как субъективная особенность поэтического мировосприятия автора в продолжение всего его творческого пути.

В этой связи особенно интересен момент эволюционирования художника, попытка взглянуть на динамику его творческого развития и проследить сохранение (или изменения) в его поэтическом мироощущении с течением времени.

Что касается научного осмысления творчества Кибирова, то следует признать, что оно находится еще на начальном этапе. Если журнальная критика писала немного об отдельных произведениях Кибирова (преимущественно о ранних), то академический подход предпринимался единично. Речь может идти только о кандидатской диссертации Д. Н. Багрецова (2005) «Т. Кибиров: творческая индивидуальность и проблема интертекстуальности» и о кандидатской диссертации Р. А. Нурмухамедовой (2008) «Лирический субъект в поэзии Тимура Кибирова». Как видно, диссертационные работы тоже охватывают преимущественно ранний период творчества, потому для осмысления динамики внутреннего развития Кибирова целесообразно обратиться к *последнему* поэтическому сборнику поэта – «Солнечное утро. Книга стихов. 2018-2020».

Идейно-смысловые доминанты «книги стихов»

Открывает сборник стихотворение, которое дает название всему сборнику – «Солнечное утро». Так называемая «сильная позиция» стихотворения в структуре не самого большого сборника стихов Кибирова делает его текст принципиально аксиологичным, зачинно значимым, помещает его в позицию почти-эпиграфическую.

Весь текст стихотворения состоит из вопросов – риторических вопросов, которые встают перед лирическим героем, но которые не предполагают получения на них ответа.

Солнечное утро
в начале октября.
Неужели это
тоже было зря?

Неужели также,
как и все вообще,
тишина такая
канула вотще?

И без толку стыла
эта синева,
попусту струилась
в синеве листва?

Неужель бесцельно
ельник освещен,
и напрасен ясень,
и бессмыслен клен?

Неужели тополь
тоже просто так,
И никто не подал
тайный этот знак?

И ничто не значили
лесопарк и я
этим утром солнечным
в начале октября? (Кибиров, 2020, с. 5).

Как вскоре напомнит в тексте автор (= лирический герой) «Солнечного утра», к моменту создания книги стихов ему 65 лет (Кибиров, 2020, с. 6), «старый старикан» (Кибиров, 2020, с. 32), «старый пень» (Кибиров, 2020, с. 52). Знаменательная юбилейная дата провоцирует поэта подвести некоторые итоги. Примечательно в этой связи, что сразу в первой строфе стихотворения появляется наречие *тоже*, позволяющее судить о константности вопросов, которые выдвинуты автором в первую позицию. Строка «Неужели это тоже было зря?» акцентирует множественность и постоянство заданных лирическим героем вопросов – *тоже*, семантически акцентированных наречием *зря* в составе составного предиката. То есть шестидесятипятилетний автор (лирический герой) осознает бессмысленность оглушительной тишины, небесной синевы, шороха листьев и – главное – бесцельность существования не только окружающего природного мира, но и себя («и я»).

Поиску ответов на безответные риторические вопросы лирического персонажа будут посвящены все последующие стихи сборника. Однако исходно принципиально важно, что поэт *задается вопросами* о смысле бытия, то есть (как и в ранней его лирике) уходит от бессодержательности концептуальной (= концептуалистской) поэзии, но ищет смысл существования, от которого демонстративно и декларативно отказывались концептуалисты еще в конце 1970-х годов. Кибирову важен не «пустой знак» (как присуще концептуализму), а «тайный знак», содержательно наполненный и заключающий в себе искомую истину. Другими словами, и в последнем лирическом сборнике Кибиров скорее уходит от поэтики и стратегий концептуализма, но встраивается в традицию классической русской литературы, склонной задаваться «вечными» и «проклятыми» вопросами человеческого бытия.

Мотивно-образные ряды поэтических текстов

Изначальный пессимизм лирического героя поддерживается заглавным образом осени, поры природного угасания и увядания, уже в первых стихах сборника рядом с которым появляются образ Смерти, мотивы тьмы, хлада, ухода – бессмысленности вопрошания («Впрочем нет смысла и в этом вопросе...» (Кибиров, 2020, с. 9)). Образы осени и смерти смыкаются, порождая у Кибирова выразительный говорящий образ «безносой осени» (2020, с. 9). Образ Смерти доминирует в первых стихах сборника – смерть именуется «уважаемой», герой обращается к ней «товарищ Смерть», «гражданин начальник Смерть» (Кибиров, 2020, с. 12), акцентируя глубокие истоки не столько самой смерти, сколько прошлого лирического героя, чья юность и зрелость разворачивались на фоне советской власти и советского ГУЛАГа.

Лирического персонажа не спасает и память: в переключку с набоковскими воспоминаниями «Speak, Memory! (Говори, память!)» Кибилов озаглавливает один из своих поэтических текстов “Shut up, Memory!” (грубый перевод: *заткнись, память*), в отличие от Набокова, и ее, память, квалифицируя как «бестолковую» (Кибилов, 2020, с. 11). И даже последующие воспоминания о «счастлимом детстве» утрачивают коннотации радости и счастья. Сценка новогоднего праздника, когда герой вспоминает, «<...> как мы пляшем, / Как пляшем и поем / В прошлом веке, / В клубе полковом» (Кибилов, 2020, с. 15), сопровождается комментарием сегодняшнего повзрослевшего героя: утренник – «А ведь уже темно!» (Кибилов, 2020, с. 15), уточняя не только часовое время, но и темно-вечерние (грустные) ощущения персонажа. Образ сказочной Герды из Андерсена и мотив спасения Кая из ледяного царства Снежной королевы уточняются эпитетами «не собачий, а матерый, волчий <...> холод» (Кибилов, 2020, с. 17), смыкая аллюзии сказочно-детские и по-взрослому реальные (лагерные).

Природный мир обманывает героя: приметы весны стираются наступлением новых холодов. Тютчевские мотивы весенней «Грозы» («Люблю грозу в начале мая...») вытесняются образами белой снежной крупы и озлобленных людей:

Зачем же ветренная Геба,
Кормя Киприды голубей,
Крупую белой сыплет с неба
На раздражительных людей? (Кибилов, 2020, с. 35).

В число раздраженных и «позорных» (Кибилов, 2020, с. 36) людей у Кибилова попадает и сам лирический герой.

Увидев в зеркале подонка,
Изобретательно и тонко
На зеркало я стал пенять... (Кибилов, 2020, с. 21).

Или в другом стихотворении:

К старости нищаю духом –
Голова два уха!
Но блаженства и доньне
Нету и в помине (Кибилов, 2020, с. 31).

Самого себя лирический персонаж определяет как обывателя:

Обыватель сидит на кухне
(я имею в виду себя), он надеется,
что как-нибудь все перемелется, все обойдется (Кибилов, 2020, с. 33).

Лирический герой ироничен и самокритичен. Ирония прикрывает страх возможных событий, которые предвидит (ожидает) персонаж:

Если действительно
Совьются небеса,
И растворятся гробы,
И взглянет Бог в глаза... (Кибилов, 2020, с. 25).

Кажется, обыватель и равнодушный к окружающим дурак (любящий «Только себя, и жену, и собаку...» (Кибилов, 2020, с. 34)), на самом деле лирический alter ego Кибилова страшится предстать перед Богом и не быть человеком. Свидетельство тому – стихотворение «Сравнительное литературоведение»:

Буратино борется с властями и буржуями.
Пиноккио идет по пути, так сказать, самосовершенствования.
Буратино получает в награду кукольный театр.
Пиноккио становится человеком (Кибилов, 2020, с. 38).

Два пути одного и того же (по происхождению) персонажа заставляют задуматься лирического героя Кибилова. Но постановка номинатива «человек» в концептивную позицию позволяет судить о *выборе* автора: не театр – но человек, не дом – но «психея» (Кибилов, 2020, с. 21).

Душевные метания лирического персонажа

Лирический персонаж, обуреваемый «проклятыми» вопросами, вступает в спор с самим собой: он признает себя недостойным («сраму полным-полно» (Кибилов, 2020, с. 47)), но хочет надеяться на справедливость суда Божьего. Он декларирует: «Я воспеваю <...> Надежду в скорбном мире!» (Кибилов, 2020, с. 50), но тут же останавливает себя – «Оставь надежды...» (Кибилов, 2020, с. 40). Лирический герой мечется, задает себе вопросы, пытается ответить на них – и опровергает сам себя («тщетны упования» (Кибилов, 2020, с. 54)).

Кажется, итог, к которому приходит лирический персонаж Кибирова, прост:

Никакого толку
не видать окрест.
Остается только
на всем поставить крест (2020, с. 54).

В другом стихотворении:

Мы доигрались, допрыгались мы,
Мы докатились до дна (Кибиров, 2020, с. 55).

И – «Всему этому не видно конца» (Кибиров, 2020, с. 57).

Между тем последние стихотворения, которые завершают сборник «Солнечное утро», предлагают и иную перспективу.

Подобно тому, как это было в ранней поэме Кибирова «Сквозь прощальные слезы» (1988), когда душа-психея лирического героя находила отдохновение в беседе с озорным и легким Моцартом (Богданова, Жилене, 2024, с. 114), так и alter ego «Солнечного утра» тоже обращается к этому же образу-персонажу.

Ах, Моцарт, Моцарт! Ты-то отчего
Не ищешь этой правды и не ропщешь
На полное отсутствие ее?..
По недосугу, видимо...

А слушатель,
Скачав «Женитьбу Фигаро» и вставив
Наушники, вдруг узнает, что правда,
Искомая, взаправдашняя правда,
Похоже, существует в этом мире (Кибиров, 2020, с. 56).

Как и в «Сквозь прощальные слезы», Моцарт становится у Кибирова символом божественного дара, способного пробудить в людях надежду и любовь, помочь познать истину.

Творчество, по Кибирову-не-концептуалисту, становится гарантом преодоления «бессмысленности» жизни, бытия. Как и в ранних поэмах, Кибиров оказывается далеко отстоящим от концептуалистов, отвергающих исцеляющую и укрепляющую силу творческого дара, высокого предназначения поэта и поэзии.

Бледненькие рифмы,
Плохонький стишок
Отгоняют гибель,
Продлевают срок,
<...>
И ничто не тленно,
И никто не прах,
И поющий голос
Изгоняет страх (Кибиров, 2020, с. 62-63).

Структурно-композиционные особенности «книги стихов»

Сборник «Солнечное утро», открывающийся стихотворением «Солнечное утро», завершается – символично – стихотворением с тем же названием – «Солнечное утро».

Как уже было отмечено, поэтический сборник «Солнечное утро» открывается календарным октябрем. Далее в каждом последующем стихотворении называется следующий месяц годового календаря (например, «Ноябрьский вечер» (Кибиров, 2020, с. 10)), затем упоминаются зима, весна, март, апрель, лето – и повествование снова подходит к октябрю. Кольцевая композиция знаменует замкнутый цикл жизни (человека, людей, лирического героя), но и жизни-бытия, жизни-творчества. «Предвечный Логос» (Кибиров, 2020, с. 63) освещает земной путь лирического героя Кибирова.

Заключение

Таким образом, подводя итоги анализу сборника Тимура Кибирова «Солнечное утро», мы пришли к следующим выводам. Прежде всего – «вечные» бытийные вопросы лирического героя разрешаются посредством темы творчества – творения. В сборнике – словно бы в цельной единой поэме (именно так формируется книга) – структурируются два содержательных пласта: самого лирического героя (alter ego автора) и надмирного Бога,

перед которым поэт держит ответ, пред взором которого он оказывается в итоге своей жизни. И в этих плоскостях герой Кибирова обретает ответы на свои вопросы, искомую истину, жизненный смысл – через заступничество Всевышнего (1) и через творческий дар (2), которым наделен поэт. Именно поэтому мотив Божественного присутствия пронизывает (практически все) стихотворные тексты книги.

Как можно понять, и в последнем сборнике Кибирова (как и в раннем творчестве поэта) едва ли можно проследить органичную связь с практиками «московских романтических концептуалистов». Скорее наоборот. Отчетливо видно, что Кибиров как в раннем, так и позднем творчестве идет вразрез с интенциями концептуалистов (Д. А. Пригов, М. Айзенберг, Л. Рубинштейн, Д. Новиков и др.), создает стихи не в русле, а в противово-тке концептуальной поэзии. Дружеская человеческая связь Кибирова с приятелями-концептуалистами не затронула принципы его художественного мировидения, не деформировала его личностные константы, не лишила его лирической индивидуальности. Как в ранних, так и поздних поэмах (стихах, книгах) Кибиров остается приверженцем содержательно-смысловых доминант, выразителем авторской идеи, собственной творческой позиции. Декларативно заявленный концептуалистами отказ от приемов и традиций русской классической и советской соцреалистической литературы, иронико-тенденциозная снижающая игра с ними не помешали Кибирову проявить собственную творческую личность, преодолеть манифестационную тягу концептуализма к формальному эксперименту. Броская ценностность ранней поэзии Кибирова в последнем сборнике серьезно ослабевает, фактически уходит из текста, с еще большей очевидностью демонстрируя отход Кибирова от стратегий и практик концептуального искусства.

В конечном счете творческая эволюция Тимура Кибирова актуализирует представление о неорганичности и временной ограниченности формальных (экспериментальных) тенденций в русской литературе разных периодов, о ее природной (родовой) причастности смыслу, целеполаганию, нравственным ориентирам.

Перспективой научного исследования может стать более детальное рассмотрение текстов, входящих в сборник «Солнечное утро», для того чтобы углубить представление о поэтической системе поздних произведений Кибирова.

Источники | References

1. Айзенберг М. Власть тьмы кавычек // Знамя. 1997. № 2.
2. Багрецов Д. Н. Т. Кибиров: творческая индивидуальность и проблема интертекстуальности: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2005.
3. Безродный М. Конец цитаты. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 1996.
4. Богданова О. В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60-90-е годы XX века – начало XXI века). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004.
5. Богданова О. В., Жилена Е. С. Сентиментально-советский концептуализм Тимура Кибирова // Acta eruditiorum. 2024. № 46.
6. Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М.: НЛО, 2004.
7. Гаспаров М. О Т. Кибирове // Тимур Кибиров: честь присуждения Российской национальной премии «Поэт». М.: Время, 2008.
8. Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: НЛО, 2000.
9. Курицын В. Русский литературный постмодернизм М.: ОГИ, 2001.
10. Левин А. О влиянии солнечной активности на современную русскую поэзию: Тимур Кибиров. Сантимиенты. Восемь книг. Белгород: Риск, 1994 // Знамя. 1995. № 10.
11. Липовецкий М. Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в культуре 1920-2000-х годов. М.: НЛО, 2008.
12. Немзер А. Тимур из пушкинской команды // Кибиров Т. «Кто куда – а я в Россию...». М.: Время, 2001.
13. Нурмухамедова Р. А. Лирический субъект в поэзии Тимура Кибирова: дисс. ... к. филол. н. М., 2008.
14. Осьмухина О. Ю., Гудкова С. П. Баллада о современной отечественной поэзии: пути и характер трансформации жанровой формы // Научный диалог. 2019. № 8.
15. Панов А. Книжечка с человеческим лицом // Независимая газета. 1994. 12 февраля.
16. Шубинский В. О Тимуре Кибирове. Волшебная палочка, или Торжество добродетели // Вопросы литературы. 1998. № 5.

Финансирование | Funding

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy.

Информация об авторах | Author information

RU

Жилене Екатерина Сергеевна¹, к. филол. н.

¹ Санкт-Петербургский государственный институт культуры;

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург

EN

Ekaterina Sergeevna Zhilene¹, PhD

¹ St. Petersburg State Institute of Culture;

F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg

¹ ebibergan@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.03.2024; опубликовано online (published online): 22.04.2024.

Ключевые слова (keywords): Тимур Кибиров; книга стихов «Солнечное утро» (2020); концептуализм; преодоление концептуализма; традиция русской классической литературы; форма и смысл; Timur Kibirov; book of poems “Sunny Morning” (2020); conceptualism; overcoming conceptualism; tradition of Russian classical literature; form and meaning.